

3 Елистратова Г.Л. Лексико-семантические группы существительных с высоким индексом словообразовательной вариативности: Автореф. дисс. канд. – Алматы, 1998. – 22 с.

4 Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 544 с.

Түйін

Мақалада орыс тіліндегі дауыссыз дыбыстардағы -ок, -ең қосымшаларының сәйкестілігі туралы қарастырылады.

Conclusion

The article considers the question of co-occurrence of Russian suffixes -ok, -eң co-occurrence in the word-formation process.

ОБРАЗ АНТИЧНОГО ФИЛОСОФА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Бондаренко Ю.Я., Бондаренко О.Ю.

Вся мировая историческая наука, включая и слитую с философией историю человеческой мысли, касаясь личностных аспектов истории, оперирует, прежде всего, образами. Иными словами, не оттисками реальности самой по себе, не ее копиями, а ее бликами, тем, как эта реальность представляла перед определенными людьми той или иной эпохи, как и почему она трансформировалась с течением времени. Но при этом сама субъективность в подаче исторического материала оказывалась и продолжает оказываться неотделимой не только от живописуемых исторических, легендарно-исторических или мифических персонажей и событий, но и от определенных ракурсов видения, «правил игры» и формирующихся годами, подчас довольно-таки устойчивых моделей. В этом отношении огромный интерес для культурологического анализа представляют образы, оказавшиеся знаковыми для мировой культуры, например, мифологические, религиозно-мифологические.

Показательно, что собственно мифологические и религиозно-мифологические образы изучались и продолжают пристально изучаться не одно десятилетие. Здесь и анализ античных и многих иных мифов, и попытки сопоставительного анализа жизнеописаний Кришны, Будды и Христа, и множество других исследований. Что же касается непосредственно философии, то здесь, как представляется, отечественная, возможно, в определенной мере и мировая наука лишь начинает подходить к объемному восприятию данной проблемы. Суть же ее в том, что перед нами не просто своего рода

портреты, а определенные типажи и модели восприятия реальности и ответов, как на вызовы времени, так и на вопросы, поднимаемые самой человеческой жизнью в разные века и различных странах.

Каковы же самые распространенные типы и общие черты образов античных философов и как они соотносятся с мировой культурой в целом? Не претендуя на всестороннее освещение проблемы, тем не менее хотелось бы обратить здесь внимание на некоторые моменты, которые могли бы послужить отправными пунктами для дальнейших, более развернутых исследований.

Первая из общих черт наиболее ранних античных философов, которых в целом, пожалуй, довольно условно именуют натурфилософами, заключается в давно отмеченном их генетическом родстве с восточной научно-философской мыслью своей эпохи. Хорошо известно, что жизнеописание древнейших философов либо изобилуют упоминаниями об их прямом знакомстве с восточной философской мыслью, либо упоминают такие идеи и представления, которые выглядят родственными восточным. Античный мыслитель Анахарсис, согласно традиции, непосредственно имел скифские корни. Поскольку он славился красноречием, даже сохранилась древняя поговорка «Говорить, как скиф», то есть сочно, красноречиво.

Мы отмечаем еще одну достаточно общую черту образов античных философов – это их остроумие, способность точно выразить свою мысль живым, а не заученным словом, умение парировать как на словес-

ное, так и на физическое оскорбление, если потребуется, найти с помощью слова выход из самой щекотливой ситуации. О таких примерах остроумия напоминают и поныне широко известные детские загадки типа: «Каким гребнем головы не расчешешь?» либо «Каких камней в море не бывает?» Так, на вопрос, какие корабли самые безопасные, привыкший к суше и степным просторам, Анахарсис отвечал: «Те, которые на берегу». Другая часть основана на метких наблюдениях противоречивости мира в целом и человеческой природы в частности. В уста того же Анахарсиса традиция вкладывает одинаковые ответы, казалось бы, на совершенно разные вопросы: что хорошо и что дурно. В обоих случаях мыслитель ответил: «Язык». [1] А в уже иной вариации хитроумный слуга (раб) приносит хозяину язык в ответ на аналогичные повеления принести с рынка самое лучшее и самое худшее. Того же рода рассуждения история приписывает и философу из Приены Бианту, который в ответ на пожелание некоего царя, просившего вырезать у жертвенного животного лучшие и худшие части, «вырезал и отослал язык» [2].

В иных случаях мы встречаем остроумное фехтование словами в кругу самих философов. Фехтование, которое и поныне способно дать немало образцов остроумия. Так, например, может показаться странным и не совсем приличным вопрос, что способен увидеть один философ сквозь дыры в плаще у другого? Но он не так примитивен, как может показаться, и желающие могут сами найти ответ в словах Сократа, перед которым родоначальник киников стал напозор демонстрировать рвань своего одеяния. С другой стороны, согласно описаниям древних, тот же Антисфен сумел «подколлоть» Платона, давшего определение человеку, как двуногому без перьев. Купив на рынке ощипанного петуха, он принес его в философскую школу Платона и воскликнул: «Вот двуногое без перьев!»

Особого рода остроумием отмечены ответы философов на оскорбление. Так, об остроумной реакции на нанесенный удар либо угрозу повествует нам история из жизнеописаний Сократа и Диогена. Если

первый, в ответ на удар во время разговора и предложения свидетелей-учеников повести обидчика в суд, сказал: «А стал бы я обращаться в суд, если меня лягнул бы осел?», то второй, надсмехаясь над суевериями, на угрозу поколотить его ответил: «А вот я как чихну налево».

Еще один тип остроумной реакции на возникшую ситуацию-рассказ об Аристотеле, который, желая, чтобы красавица, отвлекавшая юного венценосца Александра от государственных дел, перестала кружить голову царю и удалилась, выполнил ее каприз и, став на четвереньки, взялся прокатить ее на своей спине. Когда же вошедший неожиданно Александр увидел своего учителя в столь неловком положении, стагирит не растерялся и воскликнул: «Посмотри, великий царь, что эта красотка вытворяет со мной, умудренным жизнью мужем, а что же она сделает с тобой, молодым и еще не умеющим сдерживать страсти?» Честолюбивый царь тут же удалил красавицу с глаз долой, в итоге философ, причем тот, о ком писали, что «его не поцеловала муза», оказался победителем.

Особый тип остроумия – это игра словами, которая могла бы использоваться и в случае юридических и политических споров. Пример такого рода – известный спор софиста Протагора с учеником, который не спешил начинать собственное дело и соответственно отплатить учителю за обучение. Другой – история перебравшего хмельного философа Ксанфа, которого находчивый раб Эзоп научил, как, не нарушая буквы данного по пьянке обещания, буквально «выйти сухим из воды». О том, что эти истории, как и многие другие, усыпанные блестками остроумия, своего рода кочующие сюжеты (в принципе хорошо известные филологам и культурологам), свидетельствует, в частности, описанный у Плутарха «Пир семи мудрецов». Только здесь речь идет уже не о возможной потере собственности из-за невыполненного обещания, а о награде, которую сулит египетский царь древнегреческому философу Бианту, если тот поможет ему, царю Египта, «...решить задачу, странную и нелепую: выпить море! Если я разрешу ее, то получу от него много деревень и городов;

если же не разрешу, то должен уступить ему часть своих городов. Решишь – «за это друзьям твоим и согражданам ни в какой подмоге не будет от меня отказа» [2].

Вторая черта, роднящая целую череду философов древности и остроумного раба Эзопа, – практичность, житейская сметка, возможно, в отдаленной перспективе выводящая нас на смекалистых слуг и их господ, замечательную пару которых живо пародировал Сервантес. Здесь и эзопово умение выбрать, собираясь в неблизкий путь, груз, который со временем будет лишь становиться легче, и остроумие того философа, который, оказавшись на одном корабле с пиратами, как бы ненароком высыпал свое золото за борт, заметив: «Лучше золоту погибнуть из-за меня, чем мне из-за золота».

Правда, практичность эта многолика и отнюдь не всегда связана с долей сметливого бедняка. Тому же Фалесу – первому из семи мудрецов – традиция приписывает коммерческие способности, знание военного дела и т.д. Так, стремясь доказать практическую значимость научно-философских знаний своей эпохи, он предугадал богатый урожай оливок, скупил (арендовал) маслобойни подле Милета и получил большую прибыль.

Иной тип практической сметки в рассказе о Бианте. Когда вражеский царь осаждал родную Приену, он посоветовал откормить и послать осаждавшим двух мулов. Царь, увидев, что осажденные способны и свой скот прокормить, пошел на переговоры и прислал послов, которым, по наставлению Бианта, продемонстрировали две большие кучи песка, покрытые сверху зерном. Хитрость подействовала, и противник Приены заключил мир [3].

Того же рода исторические рассказы мы встречаем в повествованиях о Древней Руси: как при осаде голодающий Киев киселем спасли, продемонстрировав посланцам осаждавших ведра с киселем, поднимаемые прямо из колодцев, что должно было свидетельствовать – сама земля кормит киевлян.

Показательно, что в глазах древних и, вероятно, более поздних переписчиков текстов и остроумие, и разные виды практич-

ности могли состязаться. Блестящий пример мы находим в диалоге Аристиппа из Килены и Диогена Синопского, переданном Диогеном Лаэртским. «Однажды, – пишет Лаэртский, – когда Аристипп проходил мимо Диогена, который чистил себе овощи, тот, насмехаясь, сказал: «Если бы ты умел кормиться вот этим, тебе не пришлось бы прислуживать при дворах тиранов». – «А если бы ты умел обращаться с людьми, – ответил Аристипп, – тебе не пришлось бы чистить самому себе овощи» [3].

И в самом деле, не так-то просто однозначно ответить, кто из участников диалога более практичен?

Спор этот продолжается до сих пор. Но две основные линии его продолжают уходить из далекого прошлого за горизонты будущего. Одна – путь наслаждения жизнью, который по-настоящему невозможен без умения ладить с людьми. Вторая – путь аскезы и готовности обходиться минимумом, путь, который, скорее, становился образцом и утешением для тех, кому в жизни приходилось очень нелегко. Замечательные примеры таких образцов дают как истории, связываемые с киниками (дух которых напоминает о даосах), так и чеканная формула Бианта: «Все свое ношу с собой» [1]. Формула–ответ, рожденный, согласно рассказу древних, при бегстве от персов, когда из бегущих лишь один Биант не прихватил с собой ничего из имущества.

Пройдут столетия, и бывший раб – знаменитый римский философ-моралист Эпиктет сочтет основным вопросом философии вопрос о том, что же считать по-настоящему своим: имущество, одежду и даже тело, которое могут изувечить, или нечто такое, что неподвластно обстоятельствам и внешним силам?

Другой философ Эпикур, живший несколькими столетиями ранее, с чьим именем связывают целое направление человеческой мысли и даже образ жизни (в том виде, в котором сохранилось то, что принято с ним ассоциировать), предпринял своеобразную попытку соединения обеих путей. По сути, то, что называют учением Эпикура, не просто гимн наслаждению, гедонизму, а упорные поиски основ истинного наслаж-

дения, которые, быть может, заключаются именно в том, что «нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо...» [1], то есть не выстраивая определенным образом своих отношений с людьми. Поэтому в устах Эпикура звучит мысль, которая могла бы стать лейтмотивом всей древней (и только ли древней?) философии: «Величайший плод ограничения желаний – свобода» [1].

Свобода не только внешняя, но и внутренняя, при которой нагибаться уместно только затем, чтобы поднять павших [1]. Но не ради временных благ, которые может принести унижение перед сильными мира сего, ибо о каком истинном наслаждении жизнью может говорить тот, чьи обретения и само существование зависят от его способности прогибаться, а значит, и от расположения внешних по отношению к нему сил?

Так мы подошли к еще одной важнейшей черте, присущей самым разным образам античных философов: поискам опоры внутри, а не вне себя, и вытекающая из этого внутренняя независимость. В этом отношении замечателен ответ на многократно повторявшийся в прошлом вопрос, что же дала философия конкретному человеку, который традиция опять-таки связывает с именем Аристиппа: «Дала способность смело говорить с кем угодно» [3].

Эта чеканная фраза произвольно напоминает слова из заповеди Киплинга: «Останься прост, беседуя с царями, останься честен, говоря с собой». По сути, здесь четко выражена важнейшая социальная, точнее, социумная потребность – жизненно важная для самого общества потребность в независимых потоках информации и «аналитиках», способных высказывать свое истинное мнение перед кем угодно. В социальном плане потребность эта двояка. С одной стороны, она позволяет мыслителю, советнику и т.д. сохранить самого себя и как человека, и как мыслителя, ибо десятилетиями играя в поддавки можно просто потерять навыки серьезного игрока. С другой стороны, это потребность правителей в достоверной информации, без которой их власть да и само общество не могут быть устойчивыми. Не случайно еще Конфуций на вопрос, как раз-

говаривать с правителем, отвечал: «Не обманывать и укорять его в лицо».

Но, оказывается, следовать такого рода призыву далеко не просто. Поэтому общество и создало на протяжении столетий персонажи и структуры, которые, не являясь обязательно оппозиционными, или диссидентскими в более позднем смысле, располагались особняком, вне иерархии, требовавшей соответствующей субординации и этикетности. Упрощая, тут можно было бы выделить два типа структур и персонажей. Первая – это система прорицаний, гаданий, оракулы, жрецы, волхвы, которые «не боятся могучих владык» и не нуждаются в княжеском даре. Возможно, здесь перед нами еще недостаточно изученная во всей своей целостности и в контексте потребностей социума грань религиозно-культурной деятельности. Со временем и здесь, как, скажем, и в католической церкви, и т.д. выстроилась своя собственная, причем очень жесткая, иерархия. Но сама двойственность сил и иерархий предоставляла обществу в целом большую возможность маневрирования в мире информации и подчас разнородных систем ценностей. По крайней мере, здесь есть на что взглянуть свежим взглядом.

Вторая – это независимые философы, а позднее шуты и юродивые. Находясь вне иерархии, они сохраняли за собой право не только на остроумное, но и на резкое, не подобоострастное слово. Классический пример – знаменитый диалог Александра Македонского и Диогена. Подобными, хотя и не столь известными примерами, изобилует вся история античной мысли. При этом вызов мог быть брошен как царственным владыкам, так и человеческой массе – толпе, ярость которой может быть порою не менее страшна, чем гнев владык. О том же Диогене рассказывали, что он, явившись на рыночную площадь днем с зажженным фонарем, на вопрос, почему он это сделал, ответил многозначно: «Ищу человека!» В другой же раз поступил еще грубее. Закричал: «Эй, люди!» А когда толпа сбежалась, сказал, что он ведь звал «народ, а не дерьмо» [1].

Порою примеры эпатажной грубости выглядят до странности вызывающими.

Так, о Диогене писали, что, войдя в богато украшенный дом, он захотел сплунуть и, в конце концов, плюнул в лицо сопровождавшего со словами: «Я не нашел здесь более грязного места» [1] (*передано своими словами – Б.Ю.*). Такой же по духу поступок приписывают и Аристиппу, который, оказавшись в помещении, украшенном мозаичными полами, будто бы плюнул в лицо мерзкому казначею: «Нигде не было более подходящего места» [3].

Обратим внимание на то, что здесь перед нами именно образы, а не реальные исторические персонажи во плоти и крови. Думается, что восстанавливать по этим историям жизнь конкретных философов все равно, что пытаться писать биографию Чапаева на основе анекдотов о Василии Ивановиче, Петьке и Анке. Задача такого рода историй иная. Совершенно очевидно, что здесь не черточки биографий, а парадоксально заостренные проблемы ценностей, выраженные в историях, которые сродни той, что была уже менее грубо, но столь же резко выражена в словах философа, который, прочитав над дверями одного дома надпись: «Да не войдет сюда ничто плохое!», сделал недоуменное лицо и просто-душно спросил: «А как же сюда войдет хозяин?» Иными словами, перед нами поставленная в форме своего рода анекдота проблема несоответствия внутреннего и внешнего. Проблема, увиденная глазами тех, кто рисовал на века портреты мыслителей.

И наконец, не исчерпывающая тему, но чрезвычайно важная проблема сохранения самого себя, сохранения присутствия духа в самых тяжелых ситуациях. То есть здесь философия выступает как опора в коллизиях и ситуациях, требующих совершенно особых внутренних сил и мужества. Один из классических примеров такого рода – история Эпиктета, бывшего какое-то время рабом у жестокого телохранителя Нерона. Однажды хозяин, будучи не в духе, стал бить Эпиктета палкой по ноге. «Не бей, хозяин! Сломаешь!» – не теряя самообладания, говорил Эпиктет. Когда же очередной удар перебил кость (потом будущий философ всю жизнь прихрамывал), Эпиктет без вызова,

но и не унижаясь, сказал, словно о чем-то, его лично не касающемся: «Вот видишь, я же говорил тебе, что ломаешь». По свидетельствам, это спокойствие так подействовало на хозяина, что тот изменился в лучшую сторону, а самому Эпиктету было даже дозволено посещать философские школы.

Но центральной в этом плане оставалась проблема отношения к смерти. Не случайно блистательнейший ритор и глубокий ум Рима, Цицерон писал: «Философствовать – это приуготовлять себя к смерти» [1], а сенековские «Нравственные письма к Луцилию» буквально пронизаны мыслью о том, что человеку надо всегда быть готовым к потерям и уходу из самой жизни. Но настроенность на такое поведение, при котором, говоря уже языком Эпиктета, философ и просто достойный человек должен брать пример с детей, всегда готовых сказать: «Я больше не играю». Конечно, такая готовность могла быть эпатажем и в какой-то мере данью модному поветрию, но, по сути, в ней кроется нечто большее. Может показаться парадоксальным, но готовность к смерти оказывалась в устах и ее проповедников, и тех, кто внимал их доводам, гимном жизни – жизни полнокровной и достойной до самого последнего ее земного мгновения. Жизни, которая не сгибалась перед неизбежностью и самыми тяжелыми испытаниями и потому оставалась на долгие века образцом мощи духа, способного надолго пережить тело своего носителя. Поэтому история философии пронизана описаниями стойкости философов самых различных направлений, философов, которых объединяла способность «умереть стоя», а не ползать в ногах у палача, коим могли оказаться и человек, и время, и стечение обстоятельств. Но, естественно, что свободолюбивая античная философия акцентирована на сценах противостояния тиранам. Здесь и шестидесятилетний Зенон Элейский, который, оказавшись в руках тирана, заподозрившего философа в соучастии в заговоре, предлагает последнему поклониться, чтобы на ухо передать сведения о заговорщиках. Когда же жестокий правитель послушался его, старик впивается зубами в ухо, достигая тем самым двойной цели: избавляет себя от мучитель-

ных пыток (опять-таки образец трезвого практичного ума) и при этом умудряется нанести недругу максимально возможный вред. Здесь и скептик Аристарх, брошенный его недругом-тираном в ступу, где его должны заживо истолочь. Но неугомонный философ проявил мужество, словно поддразнивая своего мучителя: мол, толки, толки тело, душу истолочь ты не в силах. Когда же мучитель пригрозил вырвать у философа язык, тот, согласно рассказу, сам откусил себе язык и выплюнул его в лицо тирану. Здесь и Сократ, отказавшийся во имя спасения своей жизни бежать из тюрьмы и поднявший чашу с ядом цикуты за здоровье друзей. В том же ряду и Сенека, получивший от своего бывшего ученика Нерона приказ покончить с собой. Со вскрытыми венами, обернутый в простыни, в ванне с теплой водой, ускорявшей ток старческой крови, он диктует рабу свое последнее сочинение, демонстрируя тем самым верность своей философии. Это и сам Цицерон, симпатизировавший республиканцам и потому вынужденный бежать от расправы мстителей за Цезаря, убитого заговорщиками. Когда же носилки с Цицероном преследователи все-таки настигли, гибель была неотвратима, великий оратор, не теряя присутствия духа, открыл шею для удара мечом, обратился к легионеру: «Если ты хоть это можешь, руби!»

Перед нами не просто исторические казусы либо собрание жутких историй, а существеннейшая черта мировой культуры и такой ее составляющей, как воинская подготовка, хотя никто из упомянутых не был профессиональным бойцом в прямом смысле этого слова. В мире, полном испытаний, войн и отчаяннейших схваток, жизнеспособнее оказывался тот род, народ, социум, представители которого были в большей мере готовы жертвовать за него собственное достоинство, жизнь. С другой стороны, именно презрение к опасности, умение пересилить себя и не повернуться к врагу спиной могло в целом ряде случаев оставить больше шансов и для личного спасения. Хотя в мейнстриме такой культуры, как античная (даже если мы вспомним об Архилохе), значимей была жизнь не тела, а

имени. По крайней мере, именно на этом делался упор при воспитании воинской доблести. Иными словами, воспитание готовности расстаться с собственной жизнью оказывалось важнейшей составляющей и гражданского мужества, и воинской доблести.

Подобная составляющая была и в иных культурах. Просто, в отличие от значительной части античного мира, она оказалась более привязанной не к именам мыслителей, а к традиции, эпосу (в определенных отношениях, подобному гомеровскому) и, конечно же, религии. Так, блестящим образцом такого сплава философии, религии и воинских искусств уже на Востоке стал дзэн-буддизм. Через тысячу с лишним лет в Аравии зародился ислам, явивший миру множество мужественных воинов. Думается, что ждет еще своего свежего и непредвзятого анализа практическая философия – философия без кавычек русских воинов и советских бойцов. Впрочем, и в античном мире, даже в том, что нам известен или кажется известным, не все было линейно. И здесь образцы мужества, готового на все, являет нам традиция, прежде всего, характеризующая Спарту, давшую миру, помимо прочего и особые образцы красноречия, острых и коротких, как спартанские мечи, лаконичных фраз.

Прошли столетия, а образы древних мудрецов и сейчас живы и сегодня волнуют нас, дают пищу для ума, а значит, востребованы, быть может, больше, чем еще десятилетия назад. Ведь мир наш на распутье. Он в состоянии не только экономического, но и духовного кризиса. И как тут обойтись без опоры на прошлое, на многовековые интеллектуально-духовные поиски всего человечества, которые наглядно демонстрируют глубинное родство самых разных народов?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Таранов П.С. 106 философов. – Симферополь: Таврия, 1995. Т.1. – С. 32.
- 2 Плутарх. Моралии. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, Харьков: ФОЛИО, 1999.
- 3 Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979.

Түйін

Мақала олардың байланысында көне ойшылардың бейнелерінің негізгі сызықтарына арналған мәдениет пен дүниежүзілік.

Conclusion

The article is devoted to describing the main traits of Greco-Roman philosophers' characters in connection with world culture.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КАТЕГОРИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА**

Жаркова В.И., Костина М.А.

Мы так часто используем в повседневной жизни слова «пространство» и «время», что затруднения, которые вызовет установление содержания этих понятий в литературном мире, не должны нас удивлять. Представления о временных и пространственных параметрах художественного текста достаточно динамично изменялись в филологической науке на протяжении всего XX столетия и всегда вызывали множество споров по определению границ этих категорий. Изначально многие ученые отмечали их принципиальное отличие. М.М. Бахтин, рассматривая эти две категории как «сложное диалектическое единство взаимообусловленных сторон или аспектов художественного произведения», тем не менее, считал художественное пространство наиболее значимым структурным элементом. Идеи М.М. Бахтина получили дальнейшее развитие в трудах Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и др. Именно в этих работах обнаруживаются основательные подступы к этой проблеме. Но к 70-м годам внимание большинства исследователей (Д.Н. Мендриш, Э.Ф. Володин и др.) существенно акцентировалось на изучении категории художественного времени, которое вышло на первый план и охарактеризовалось наибольшей сложностью и отвлеченностью, чем пространство. Таким образом, понятия пространства и времени в большинстве случаев определялись как нетождественные друг другу и рассматривались по отдельности. Такая картина сохранялась вплоть до 80-х годов. Именно в это время в филологической науке появилось значительное количество работ, в которых авторы стремились синтезировать данные категории и тем самым, в определенной мере, оспорить уже существующие подхо-

ды. Рассматривая основные единицы и свойства категорий пространства и времени, многие из них пришли к заключению, что эти категории в художественном тексте характеризуются своей равнозначностью. Нужно заметить, что подобного рода установки закрепились в филологической науке и определили на сегодняшний день целую цепь научных изысканий, когда исследователи рассматривают данные категории именно в таком ракурсе (Л.Г. Бабенко, Н.А. Николина и др.). Большинство из указанных авторов в своих работах убедительно показывают, что равноправный учет категорий пространства и времени является важной составной частью филологического анализа художественного произведения. Приведем высказывание Н.А. Николиной: «Сложной временной организации текста полностью соответствует пространственная его организация».

Но, несмотря на определенную доказательную базу этих работ, многие современные исследователи остаются на позициях одностороннего подхода к этим категориям (Л.Г. Бергер, М.В. Всеволодова и др.).

С давних времен исследователи пытались проникнуть в тайну категории времени. Древние греки мифологизировали абстрактное понятие времени и одним из начал мира признавали бога Времени – Хроноса, который, вместе с Зевсом и Землей, породил Огонь, Воздух и Воду. В дальнейшем во многих языках мира имя бога Времени «Хронос» превратилось в интернациональный термино-элемент «хроно-», который поспособствовал формированию целого ряда сложных терминов, таких как «хронология», «хронография», «хронометрия», «хронограф», «хроника», «хронотоп» и др. Эти